

СТИЛЬ ЖИЗНИ

ЛУЧШИЙ ДОМ ДЛЯ ХУДОЖНИКА

Дарить – такой же талант, как и любить

Ада Горбачева

Что обычно делают люди, собирающие предметы искусства? Возможны три варианта: первый – продолжают собирать их всю жизнь, передавая наследникам; второй – в какой-то момент продают коллекцию, представляющую ценность, третий – завещают

ти, ломая себя, не мог, а вскоре и жить не смог. В 43-м году, в эвакуации, оказавшись один, без заработков, покончил с собой в том же углу Татарии, что и Марина Цветаева, – в соседнем с Елабугой Чистополе. Маленькая дочка лежала в это время в тифу в больнице, жена – переводчица с французского и английского – была прикомандирована сопровождать

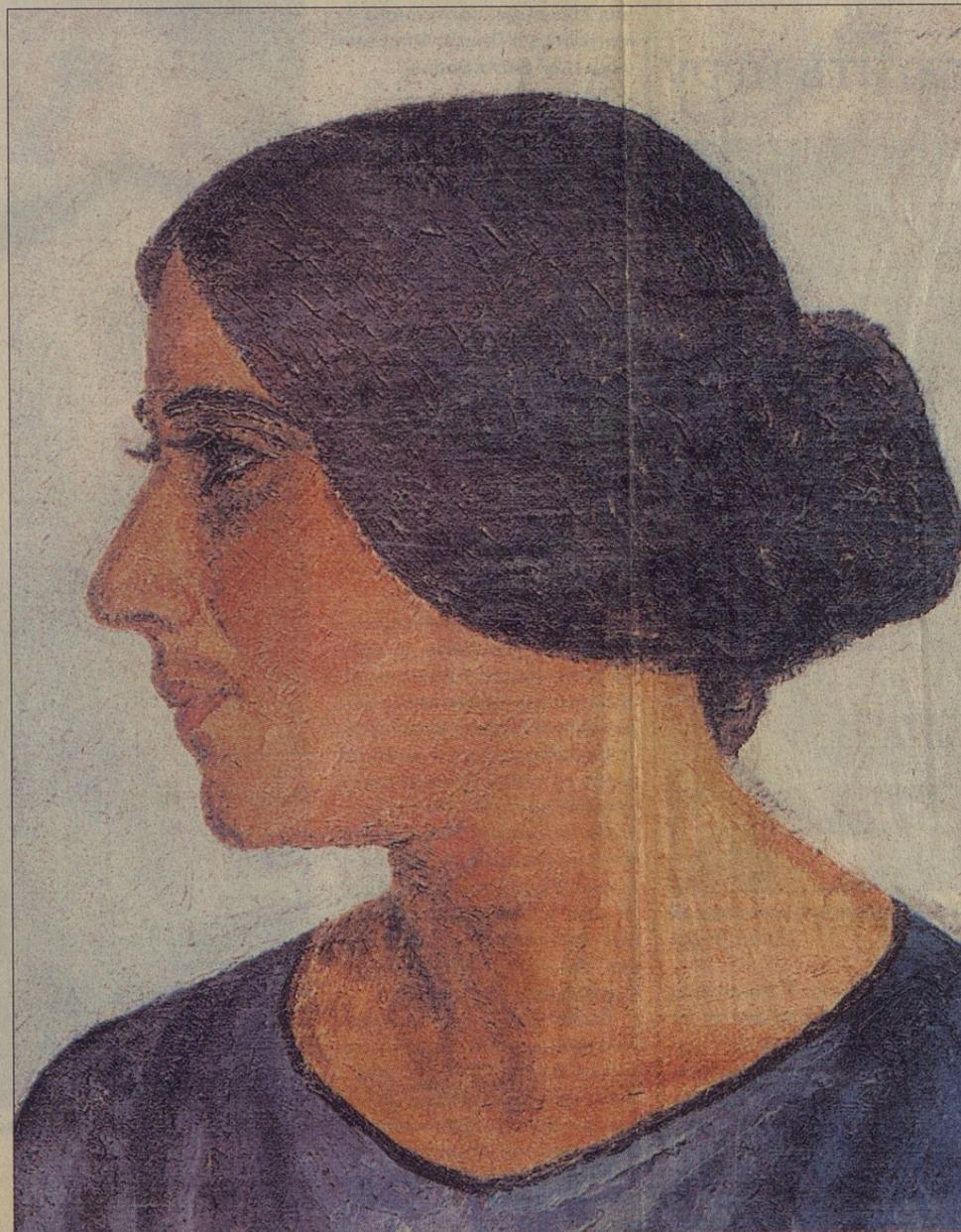
Казалось, имя художника сохранилось только в памяти жены и дочери да в каталогах знаменитых выставок

государству. Но есть и четвертый вариант, самый редкий, когда владельцы коллекции дарят ее музею. Именно это и произошло в Ярославле, где сейчас проходит выставка художника Александра Плигина, пятнадцать картин которого музей получил в дар от его дочери Натальи Плигиной-Камионской и ее мужа – известного фотохудожника Юрия Рыбчинского.

Александр Плигин, уроженец Ярославской губернии, входил в «Мира искусства», был секретарем и организатором выставок этого объединения, позднее стал членом «Бубнового валета». Он был известен в 10–20-е годы и, как и многие, замолк к концу 30-х: писать так, как требовалось в новой, сталинской, реальнос-

французского писателя Жана Ришара Блока в Казань. Многие картины художника были утрачены, казалось, навсегда, имя сохранилось только в памяти жены и дочери да в каталогах знаменитых выставок Серебряного века.

Кажется, это английская поговорка: никогда не говори «никогда». Дух Серебряного века остался в покинутом художником доме, в который он вошел когда-то счастливым молодоженом. Дом, выстроенный в начале прошлого века в стиле русского модерна, знал лучшие времена. Широкую лестницу покрывал ковер, площадки украшали кадки с цветами, в лифте, казавшемся тогда чудом техники и имевшем вид хрустального домика, стоял малиновый бар-

Портрет жены художника Натальи Оскаровны Плигиной-Камионской.

1924–1926. Холст, масло. Ярославский художественный музей

хатный диванчик и висело зеркало. Судьба этого дома, как и других подобных ему, была предсказана Михаилом Булгаковым в «Собачьем сердце»: «Вначале каждый вечер пение хором, затем в сортирах замерзнут трубы, потом лопнет котел в паровом отоплении и так далее». Именно так все и произошло. Квартиры стали коммунальными, пропали цветы и ковер, полопались трубы, остановился лифт, выбили витражные стекла в дверях, а сами двери забились досками и стали подниматься по черной лестнице. В 30-е починили отопление и даже пустили лифт. Правда,

о ком тот же Булгаков писал: «Какая женщина! По-английски говорит, на фортепьянах играет, а в то же время самоварчик может поставить». Было уже не до фортепьяно, а иностранные языки давали кусок хлеба. И еще, Наталья Камионская, позже – вместе с подросткой дочерью, тоже Натальей, сохраняла оставшиеся картины мужа.

Они по-прежнему жили в том же доме – угесе классического модерна, высившемся на одном из московских холмов как памятник наивным человеческим иллюзиям, несбывшимся надеждам на дары цивилизации. В квартире стояла

от которых остались названия в каталогах и дореволюционная открытка-репродукция. Теперь искать творческое наследие художника будут не только родственники, но и Ярославский художественный музей.

Наталья Плигина-Камионская и Юрий Рыбчинский продолжают дарить. Огромную икону «Никола в житии», вывезенную ими из заброшенной церкви в Карелии и отреставрированную, передали, по совету Савелия Ямщикова, в Петрозаводский музей, рисунок Валентина Серова – все в ту же Ярославскую художественную галерею.

Дух Серебряного века остался в покинутом художником доме, в который он вошел когда-то счастливым молодоженом

это был уже не хрустальный домик, а покрашенная в тюремный зеленый цвет будка. Впрочем, никогда еще жизнь обитателей шедевра архитектурного модерна не протекала в таком тесном соседстве с тюрьмой. Жильцы исчезали все чаще. Исчезали не только в тридцатые, но и в зловещие послевоенные годы. Уцелевшие существовали в постоянном страхе.

В таком страхе жила и вдова Александра Плигина Наталья Камионская с маленькой дочкой. В страхе, но и в деятельности. Ведь она была из

та же мебель, над продавленным диваном висел огромный натюрморт Машкова, старинное венецианское зеркало с сочувствием отражало хрупкие фигурки своих хозяек.

В России, известно, надо жить долго, повезет – доживешь до хорошего. Наступили новые времена, вспомнили художника Плигина. В 90-е Третьяковская галерея приобрела две его картины. Поиском утраченных работ отца занялась дочь вместе со своим мужем. Удалось пока найти четыре. Но где-то, возможно, хранятся безымянные работы художника,

Что лучше – любить или быть любимым? Быть любимым проще, хотя, конечно, хорошо. Любить труднее, для этого, говорят, нужен талант. А талант дается лишь избранным. То же в какой-то мере относится и к непустячным подаркам. Получать их нравится всем, делать бескорыстно, отрывая от сердца, – лишь некоторым. Это тоже дар свыше.

Человек жив, пока его помнят, художник – пока видят его творения. И чем больше видят, тем живее его жизнь. В этом смысле лучший дом для художника – музей.